

Доктрина раскола Русской православной церкви Г.В. Плеханова и ее историографические источники (Н.Ф. Каптерев, А.П. Шапов, Н.И. Костомаров и др.)

© А.С. Маджаров

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Статья посвящена концепции религиозного раскола Русской православной церкви Г.В. Плеханова, ее месту в отечественной историографии. В работе раскрывается теоретико-методологическая основа труда ученого, его формирование в ходе историографического исследования публикаций историков раскола Н.Ф. Каптерева, А.П. Шапова, И.И. Каблицы (Юзова), П.С. Смирнова, Е.Е. Голубинского, Н.И. Костомарова, Н.Н. Фирсова, И.Н. Харламова, А.И. Розова, и создание собственной доктрины старообрядчества. Плеханов, опираясь на марксистскую парадигму научного исследования, критиковал труды своих предшественников. Он отвергал клерикально-охранительную литературу, полемизировал с демократической концепцией А.П. Шапова, «культурологической» доктриной Н.И. Костомарова и др. Формируя новый взгляд на отечественную историю, философ, исповедовал материалистическое представление об историческом процессе, защищал тезис о первичности бытия и вторичности сознания, исходил из того основного положения исторического материализма, что «не сознание определяет бытие, а бытие сознание». Ученый строил новую концепцию истории отечественной мысли в процессе исследования путем введения доктрины Маркса в научный оборот. Опираясь на марксизм как теорию и метод, он раскрывал эвристическое значение обновленного методологического инструментария. Историк исторической науки показал предельные возможности раскола как демократического протеста и по-своему обосновывал принадлежность старообрядчества к «старой Руси». Теоретические установки Плеханова, метод изучения религиозной составляющей жизни социума, староверия уводили исследователя от внутренней истории раскольнической общины, ориентировали ученого на последовательное обличение старообрядчества, его носителей, их идеологии, критику научной историографии проблемы. Этот взгляд лег в основание одного из направлений советской школы раскола.

Ключевые слова: историография, раскол Русской православной церкви, клерикально-охранительная концепция, концепция государственной школы, демократическая концепция, марксистская парадигма, Г.В. Плеханов, Н.Ф. Каптерев, А.П. Шапов, Н.И. Костомаров, С.М. Соловьев

Информация о статье: поступила в редакцию 18 мая 2020 г.; поступила после рецензирования и доработки 15 июня 2020 г.; принята к публикации 6 июля 2020 г.

Для цитирования: Маджаров А.С. Доктрина раскола Русской православной церкви Г.В. Плеханова и ее историографические источники (Н.Ф. Каптерев, А.П. Шапов, Н.И. Костомаров и др.) // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 3. С. 207–219. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-207-219>

The doctrine of the split of the Russian Orthodox Church by G.V. Plekhanov and its historiographical sources (N.F. Kapterev, A.P. Shchapov, N.I. Kostomarov, etc.)

© Alexander S. Madzharov

Irkutsk state University, Irkutsk, Russia

Abstract: The article is devoted to the concept of the religious schism of the Russian Orthodox Church by G.V. Plekhanov and its place in Russian historiography. The paper reveals the theoretical and methodological basis of the scientist's work, its formation in the course of a historiographical study of the publications of the schism historians N.F. Kapterev, A.P. Shchapov, I.I. Kablits (Yuzov), P.S. Smirnov, E.E. Golubinsky, N.I. Kostomarov, N.N. Firsov, I.N. Kharlamov, A.I. Rozov, and the creation of their own doctrine of the

old believers. Plekhanov, relying on the Marxist paradigm of scientific research, criticized the works of his predecessors. He rejected clerical and protective literature, polemicized with the democratic concept of A.P. Shchapov, the "cultural" doctrine of N.I. Kostomarov, and others. Forming a new view of Russian history, the philosopher professed a materialistic view of the historical process, defended the thesis of the primacy of being and the secondary nature of consciousness, proceeded from the basic position of historical materialism that "not consciousness determines being, but being consciousness". The Scientist built a new concept of the history of Russian thought in the process of research, by introducing the Marx doctrine into scientific circulation. Using Marxism as a theory and method, he revealed the heuristic value of the updated methodological tools. The historian of historical science showed the extreme possibilities of schism as a democratic protest, and in his own way justified the belonging of the old believers to "old Russia". Plekhanov's theoretical attitudes, the method of studying the religious component of social life, old believers, led the researcher away from the internal history of the schismatic community, oriented the scientist to a consistent denunciation of the old believers, their carriers, their ideology, and criticism of the scientific historiography of the problem. This view formed the basis of one of the directions of the Soviet school of schism.

Keywords: historiography, the Split of the Russian Orthodox Church, clerical and protective concept, public school concept, democratic concept, Marxist paradigm, G.V. Plekhanov, N.F. Kapterev, A.P. Shchapov, N.I. Kostomarov, S.M. Solovyov

Article info: received May 18, 2020; revised June 15, 2020; accepted July 6, 2020.

For citation: Madzharov A.S. (2020) The doctrine of the split of the Russian Orthodox Church by G.V. Plekhanov and its historiographical sources (N.F. Kapterev, A.P. Shchapov, N.I. Kostomarov, etc.). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 3. P. 207–219. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-207-219>

Проблема религиозного раскола в отечественной историографии

История религиозного раскола Русской православной церкви в отечественной историографии изучалась представителями разных научных направлений. В период возникновения старообрядчества были намечены главные черты клерикально-охранительной концепции событий. Эта доктрина раскола доминировала и в историографии XVIII – первой половины XIX в. (Маджаров, 2005 С. 48–52). Основы официального (охранительного) направления в историографии старообрядчества были заложены Василием Никитичем Татищевым (1686–1750). Он охарактеризовал начальный период раскола в «Истории Российской» и дал ряд оценок событиям и людям, причастным к протесту, в специальном исследовании (Татищев, 2016. С. 207; Татищев, 1979; Маджаров, 2019. С. 67–76). Официальной доктрины раскола придерживался Н.Г. Устрялов (Маджаров, 2005. 52–55).

В 60-е гг. XIX в. А.П. Щаповым была создана демократическая концепция старообрядчества (Маджаров, 2005. С. 55–68; 205–212).

В советский период особенно значимыми в теоретическом плане, на наш взгляд, были публика-

ции А.И. Клибанова, Н.Н. Покровского и др. (Клибанов, 1978. С. 3–55).

Н.А. Бердяев исследовал старообрядчество в рамках экзистенциального (от лат. *existentia* – существование) направления философии истории, опираясь на традицию русской мысли XIX – начала XX в. (Маджаров, 2014. С. 32–43). Проблема раскола интересовала В.В. Зеньковского, который рассмотрел ее в первом томе «Истории русской философии», опубликованном в 1948 г. в Париже (Зеньковский, 1991. С. 52–54).

С марксистских позиций взглянул на раскол Русской православной церкви Георгий Валентинович Плеханов (1856–1918). Его творческое наследие привлекало внимание ученых в дореволюционной, советской и постсоветской литературе. В новейшее время о нем писали историки, философы, экономисты, отечественные и зарубежные авторы Ю.М. Москаленко, С.В. Тютюкин А.А. Чернобаев, В.Н. Соколов, О.К. Цапиева, Ф.С. Коротаев, Т.И. Филимонова, С.Х. Бэрн, И. Гетцлер и др.

Ученых интересовал вклад классика марксизма в изучение философии, истории, культуры, отечественной общественной мысли. При этом концепция религиозного раскола, созданная Плехановым, осталась за пределами специального изучения (Сибир-

кина, 1993. С. 4–11¹; Тулякова, 2013. С. 4–6²; Покидченко, 2017). Она не рассматривалась в историографических обзорах монографий (Апанасенок, 2008; Апанасенок, 2010; Куприянова, 2010), научных статей (Бородкин, 2009; Кущенко, 2016) и диссертационных работ, посвященных старообрядчеству (Савенкова, 2004. С. 6–12³; Апанасенок, 2010. С. 9–14⁴; Егорова, 2012. С. 3–7⁵; Мельников, 2015. С. 4–6⁶; Куприянова, 2018. С. 3–32⁷).

А в исследованиях по историографии раскола и в отдельных работах по расколу лишь кратко упоминалась. (Быковская, Черных, Злобин, 2011; Кущенко, 2016; Хирьянова, 2009. С. 4⁸).

В отечественной историографии не было создано специального исследования, посвященного неотъемлемому факту истории исторической науки – взглядам историка и философа Плеханова на старообрядчество.

¹ Сибиркина И.Ю. Общественная мысль пореформенной России в оценке Г.В. Плеханова: автореф. дис. ... на соискание степени канд. ист. наук. М., 1993. 18 с.

² Тулякова Е.В. Социально-философские проблемы в творчестве Г.В. Плеханова: автореф. дис. ... на соискание учёной степени канд. философ. наук. М., 2013. 30 с.

³ Савенкова С.Р. История развития правительственной и церковной политики по старообрядчеству в России с 1667 по 1800 гг.: автореф. дис. ... на соискание степени канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2004. 24 с.

⁴ Апанасенок А.В. Формирование и функционирование старообрядческих сообществ Центрально-Черноземного региона России : последняя треть XVII – начало XX века: автореф. дис. ... на соискание ученой степени д-ра ист. наук. Курск, 2010. 43 с.

⁵ Егорова Г.С. Предпринимательская деятельность династий купцов-старообрядцев Владимирской губернии (вторая половина XVIII в. – 1917 г.): автореф. дис. ... на соискание ученой степени канд. ист. наук. Владимир, 2012. 26 с.

⁶ Мельников И.А. Социокультурные трансформации ментальности новгородского старообрядчества: автореф. дис. ... на соискание ученой степени канд. культурологии. Санкт-Петербург, 2015. 22 с.

⁷ Куприянова И.В. Старообрядчество Алтая в условиях радикальной трансформации российского общества (конец XIX – первая треть XX века): автореф. дис. ... на соискание степени д-ра ист. наук. Барнаул, 2018. 53 с.

⁸ Хирьянова Л.В. Старообрядческая субкультура в современном российском обществе: автореф. дис. ... на соискание ученой степени канд. филос. наук. Белгород, 2009. 18 с.

Отсутствие в современной литературе внимания к упомянутому сюжету творческого наследия ученого и общественного деятеля, избирательный интерес к его трудам, вели к изытию марксистской системы взглядов на это явление из исторического контекста, к упрощению истории исторической мысли. За пределами исследования оставался процесс создания доктрины религиозного раскола Русской православной церкви ученого, ее содержание, связи с текущей литературой и влияние на будущую советскую историографию.

В данной работе предполагается рассмотреть становление концепции Плеханова в историографическом контексте, в диалоге с доктринами Каптерева, Щапова, Костомарова, а также высветить ее теоретико-методологические основы, заключения, оценки старообрядчества как исторического явления.

О происхождении труда Г.В. Плеханова «История русской общественной мысли»

Г.В. Плеханов начал писать «Историю русской общественной мысли» в мае 1909 г., и работал над темой до Февральской революции 1917 г.

Трактат в виде отдельных томов публиковался в 1914–1916 гг. Исследование осталось незавершенным. Оно увидело свет и вошло в научный оборот уже при Советской власти. После смерти Плеханова, в 20-е годы XX в., «История» печаталась в его 24-томном собрании сочинений.

В новой работе ученый развивал марксистскую концепцию отечественной историографии, составной частью которой являлись его взгляды на религиозный раскол Русской православной церкви.

Теоретико-методологические основы исследования Г.В. Плеханова

Плеханов создавал историю отечественной исторической мысли как историограф, опираясь на труды предшественников – историков и обществоведов домарксистской школы, анализируя их, сравнивая с марксистской доктриной истории России, которую развивал сам, и выносил научный вердикт. Историографического подхода требовал предмет исследования – история науки, задача изысканий –

развенчание «идеалистов», и развитие марксистской концепции истории России. Соответствовали цели поиска и положенные в его основание историографические источники – труды ученых.

Формируя новый взгляд на отечественную историю, философ, исповедовал материалистическое представление об историческом процессе, защищал тезис о первичности бытия и вторичности сознания. «Я исходил из того основного положения исторического материализма, – разъяснял Плеханов свои теоретические постулаты, – что не сознание определяет бытие, а бытие сознание» (Плеханов, 1925. С. 9).

Ученый строил новую концепцию истории отечественной мысли в процессе исследования путем введения доктрины Маркса в научный оборот. Опираясь на марксизм как теорию и методом, он раскрывал эвристическое значение обновленного методологического инструментария. В предисловии к первой книге «Истории мысли» и в тексте работы ученый излагал и применял на практике основные положения материалистического теоретико-методологического подхода к анализу русской истории.

Конкретно-исторические основания для приложения нового взгляда к истории отечества Плеханов, вслед за Марксом, усматривал в факте существования капитализма в России. Законы «общества равных возможностей», по его мнению, подрывали утверждения «о самобытных путях нашего общественного развития», идеи «исторического идеализма» (Плеханов, 1925. С. 17). Напротив, авторитет материализма, как считал Плеханов, укреплялся. Историки, по его мнению, стали осознавать реальность существования причинной связи между «ходом вещей»... и «ходом идей» и переходить «на почву материализма» (Плеханов, 1925. С. 9, 257).

Философ-марксист отвергал религиозную идеологию. В своей публицистике и научных работах он критиковал религию и церковь. В частности, в небольшой заметке, увидевшей свет в 1907 г., с характерным названием «Ответ на анкету о будущем религии, проведенную журналом “Mercure de France”» один из основателей РСДРП утверждал: «Научное объяснение феноменов может быть только материалистическим ... Религия ... отживает. Что

касается религиозного чувства, то...оно исчезает вместе с исчезновением религиозной идеи... Прогресс человечества несет с собой смертный приговор и религиозной идеи и религиозному чувству» (Плеханов, 1957. С. 153).

Подлинно научный алгоритм изучения отечественной историографии историк-материалист, в противовес идеалистам, определял, как обнаружение в жизни, а затем и в предмете исследования взаимосвязи экономики, классовой борьбы и общественной мысли. Он и реализовывался в процессе научного поиска. «Экономическое развитие», при этом, рассматривалось ученым как первоэлемент, определявший «борьбу классов» в обществе, а классовая борьба, в свою очередь, виделась как катализатор движения мысли. Быстрое обновление экономики, по мнению Плеханова, способствовало развитию общественных идей, медленное – тормозило их «движение» (Плеханов, 1925. С. 136).

Историк мысли в ходе научных изысканий оценивал исторические взгляды своих предшественников – русских историков С.М. Соловьева, Н.П. Павлова-Сильванского, В.О. Ключевского, П.Н. Милюкова, М.Ф. Владимирского-Буданова, М.С. Грушевского, литературоведа В.А. Келтуялу, экономиста Н.И. Зиберы и др., а также авторов литературных произведений по истории России – А. Курбского, И. Тимофеева, И. Пересветова и др. как «идеалистические».

Он доказывал, что теоретические представления историков государственной школы, славянофилов и тем более авторов литературных памятников, смотревших на жизнь с «религиозно-нравственной точки зрения», не учитывали основополагающей роли экономики в историческом процессе и не были в полной мере научными.

Плеханов создавал свою концепцию истории русской общественной мысли по канонам материалистической логики. Этой программой он руководствовался, интерпретируя и ее составную часть – историю и историографию религиозного раскола Русской православной церкви.

Цель исследования Г.В. Плехановым религиозного раскола Русской православной церкви

Теоретик марксизма не был историком раскола в узком смысле. Тема старообрядчества являлась фрагментом его обширного исследования по истории русской мысли и занимала ученого лишь как один из ее феноменов, и этапов на пути движения идей к «научному социализму».

Эти особенности происхождения исследования предопределили форму и содержание труда Плеханова о расколе.

Старообрядчеству как явлению русской жизни Плеханов посвятил XII главу «Истории», – поместив ее в раздел «Движение общественной мысли в допетровской Руси». Обществовед, в отличие от профессиональных историков раскола, не ставил своей задачей дать последовательное описание возникновения и развития движения. Об этом свидетельствует уже название главы о старообрядчестве – «Раскол как одно из выражений общественной мысли». В этом заголовке автор подчеркнул свое намерение разобрать не только сам феномен староверия, но и суждения о нем, представленные в исторической литературе.

Необходимость изучения старообрядчества в историографическом ключе, по мнению Плеханова, отразившемуся в содержании раздела, была вызвана теоретическими соображениями. Продолжать описательное повествование в духе традиционной историографии он не хотел. Философ, опираясь на труды предшественников, собирался высказать свои убеждения, показать, как он считал, слабость, ограниченность, историческую бесперспективность образа жизни и мысли, манифестируемую в староверии народом, преимущественно крестьянством.

Задача изучения раскола в контексте истории мысли, по мнению ученого, заключалась в том, чтобы вскрыть «тупики» идеалистической историографии, мешавшие, как он полагал, научно оценить это явление и представить в литературе марксистскую концепцию вопроса.

Во второй половине XIX века исследованием проблемы раскола с разных позиций занимались Н.Ф. Каптерев, А.П. Шапов, И.И. Каблиц (Юзов),

П.С. Смирнов, Е.Е. Голубинский, Н.И. Костомаров, Н.Н. Фирсов, И.Н. Харламов, А.И. Розов и др.

Были изданы источники – «Житие протопопа Аввакума» и «Сборник правительственных сведений о раскольниках», составленный Ф. Кельсиевым.

Эти исторические и историографические источники легли в основание марксистской интерпретации раскола, представленной автором «Истории мысли».

Г.В. Плеханов о непосредственной причине возникновения раскола

Плеханов, как и его предшественники, прежде всего, высказался о непосредственных условиях возникновения религиозного движения. По этой теме существовала обширная клерикально-охранительная литература, представители которой видели причину раскола в «невежестве» старообрядцев, не желавших принять «истинный» обряд, установленный патриархом Никоном (Маджаров, 2005. С. 48–52).

Теоретик марксизма не пошел по пути клерикально-охранительной историографии и не вступал в прямую полемику по всему спектру теории раскола с историками этого направления. Однако он выделил важное обстоятельство, характеризующее не только форму, но и содержание протеста, отмеченное уже первыми исследователями религиозного движения. Речь шла о «формальном происхождении раскола», а именно о том факте, «что начало ему положено было исправлением религиозного обряда и некоторыми богослужебных книг» (Плеханов, 1925. С. 332).

Опираясь на Каптерева, Плеханов констатировал, что «московский обряд был старше того обряда, во имя которого его отвергал Никон и который господствовал в XVII веке у православных греков» (Плеханов, 1925. С. 332).

Классик марксизма, поддерживая Каптерева, признал не только факт наличия формального основания начала раскола, ошибочность клерикально-охранительной, схоластической доктрины, но и, что важно отметить, соглашался с аргументацией раскольников.

Г.В. Плеханов о причинах раскола как проблеме

Пропагандист марксизма не был пионером темы старообрядчества. Критикуя ошибочные утверждения «идеалистов» и осваивая выработанные историками раскола представления, которые, по его мнению, намечали контуры правильной оценки процесса, он опирался на историографические источники.

Плеханов, вслед за демократической историографией, А.П. Щаповым, не сводил движение к внешней, обрядовой, схоластической стороне, а стремился раскрыть его суть, препарировав явление в марксистском контексте.

Историк мысли справедливо отвергал мнение историка церкви Н.Ф. Каптерева, который считал, что деятельность раскольников началась из-за «недоразумения и непонимания», и не имела серьезной почвы для продолжительного существования.

Многолетняя история жизни и полемики раскола действительно опровергала это заключение клерикальной литературы.

Он, вслед за демократической историографией, оспаривал тезис историка церкви и раскола П.С. Смирнова, считавшего, что в основании староверческого движения лежали только религиозные причины, а начал социальных, экономических не существовало.

Ученый не был согласен и с другими объяснениями причин появления раскола, в частности, такими, как тяга к «старине», «русская самобытность», полагая, что подобные доводы сами нуждаются в разъяснениях (Плеханов, 1925. С. 335).

Раскол как демократический протест: концепция

А.П. Щапова

Формируя свой взгляд на старообрядчество, Плеханов обратил особое внимание на концепцию, принадлежащую, по словам самого теоретика марксизма, перу одного из основоположников народничества, историка демократического направления 50–70-х гг. XIX в. Афанасия Прокопьевича Щапова (1831–1876) (Плеханов, 1922).

Автор «Русского раскола» смотрел на жизнь «народа» изнутри, развивал демократический взгляд на потенциал и «механизм» отечественной

истории. Он хотел высветить ее созидательные, федералистские начала и силы, проявившиеся в ходе колонизации, хотя видел и слабости демоса (Маджаров, 2005. С. 132–294).

Щапов, в отличие от предшествующей клерикально-охранительной и охранительной историографии, а также концепции раскола государственной школы С.М. Соловьева, впервые в отечественной исторической литературе поставил тему старообрядчества в реальные исторические рамки. Он рассмотрел ее преимущественно не как схоластическую, обрядовую, явление «консервативное» (по отношению к реформам Никона, Петра I), а как имеющую свою «правду» жизнь народа (религиозную и светскую), протест масс (Маджаров, 2005. С. 132–294).

Выпускник Иркутской семинарии и Казанской духовной академии в работе «Земство и раскол I» (1861) поставил вопрос об этом движении предельно широко, выявил и подчеркнул два его важнейших качества, и тем самым предопределил пути дальнейшего развития историографии проблемы.

Раскол, по определению Щапова, стал *«учением, толком согласием земским, народным, жизнью и историей массы народной»*, основанными на старине религиозной и мирской (Щапов, 2001. С. 260) (выделено автором – А.М.)

Одновременно он представил старообрядчество как форму **народного протеста**, реализующего потребность сообщества в сохранении и защите религиозных и мирских ценностей, и раскрыл значение этой стороны движения (выделено мной – А.М.). Историк описал раскол как «могучую, страшную общинную оппозицию податного земства, массы народной против всего государственного строя – церковного и гражданского», которая окормляла все народное недовольство, включая «стрельцов», «бунтовщиков Стеньки Разина» (Щапов, 2001. С. 258, 274).

Действительно у религиозных оппозиционеров и «светских» «бунтовщиков» второй половины XVII в. – выступавших с «мирными» и «революционными» требованиями к власти не было иной сравнительно доступной, и широко распространенной оппозиционной идеологии, на которую можно было опереться, кроме идеологии старообрядческой?

Противогосударственную суть старообрядчества подчеркивал и С.М. Соловьев. Но при этом он как проводник теоретической позиции государственной школы в историографии и собственных идеологических предпочтений не замечал интересов крестьян, а религиозных протестантов считал консерваторами (Маджаров, 2017).

Щапов, в противовес Соловьеву, интерпретировал старообрядчество как альтернативное, «созидательное движение народа» в XVII–XIX вв. – создание «новых общин, согласий, сходов, советов, соборов» – «федерации, союза общин» и осуществление новой колонизации, шедшее «помимо государева дела», – как государство в государстве (Щапов, 2001. С. 258, 259).

Плеханов апеллировал к сочинениям Щапова по расколу особенно часто. Его обращение было вызвано не только научными причинами. Теоретик марксизма, прибегая к трудам демократа XIX в., продолжал свое сражение с народнической идеологией. Предметом этого противоборства являлась, в частности, оценка потенциальных возможностей народных, преимущественно крестьянских масс как творцов истории.

Критическая оценка Г.В. Плехановым раскола как демократического протеста

Идеолог марксизма обращался к платформе демократической историографии раскола 60-х гг. XIX в. для того, чтобы дать ей материалистическую оценку, представить марксистское объяснение процесса.

Он сосредоточил внимание на одной стороне явления – расколе как оппозиции церкви и государству и с оговорками согласился с точкой зрения историка-демократа в квалификации староверия как демократического протеста, склонность к которому «трудящейся массы» порождалась «ее тяжелым положением» (Плеханов, 1925. С. 336).

Однако весь его последующий анализ заключался в том, чтобы развенчать народническую оценку этого процесса. Сторонник рабочего класса не разделял «народофильства» демократа XIX в., не видел в староверии позитивного потенциала, а также подлинных революционных ресурсов.

На выяснение слабостей раскола как протеста Плеханов и сосредоточился в своем исследовании. Нигилистическое отношение к селянам красной нитью проходило через все его размышления о старообрядчестве. Плеханов, многократно ссылаясь на исследования Щапова и на источники из его трудов, шел по пути планомерного развенчания народного движения и демократической концепции процесса.

Раскол как протест с точки зрения пролетарского революционера не был осмысленным, разумным выступлением народа. По его словам, опирающимся на установки марксизма, Щапов ошибался в том, что «взглянул на «вздохи» и «намекы» как на выражение *сознательного* демократического протеста, а между тем, *такого* протеста тогда не было и быть не могло» (Плеханов, 1925. С. 337).

Следуя по пути критики старообрядчества как протеста с позиций социал-демократии второго десятилетия XX века, историк-марксист дезавуировал и его «программу действий». Он подчеркнул, что раскол в своем перспективном плане «не нашел места ... ни для чего, кроме старых обрядов», которые не имели ничего общего с демократизмом (Плеханов, 1925. С. 342).

Он соглашался со Щаповым, что под давлением государства крестьяне и посадские люди старались «избывать от тягла», «жить на воле» и «чиниться государеву указу непослушными». Но форма крестьянского сопротивления вызывала у Плеханова язвительную усмешку: люди податные, крепостные и служилые, вместо серьезной борьбы с режимом, «бежали ... по белу свету» и собирались «в разные согласия». «В высшей степени замечательно, подчеркивал он, – что крайняя старообрядческая секта получила ... название *странников*, или *бегунов*» (Плеханов, 1925. С. 354).

Носитель и пропагандист пролетарской идеологии критиковал раскольников-беспоповцев за непоследовательность, половинчатость их позиции в отношении царизма, а историков – демократов XIX в. – за ее одобрение. Ведь раскольники, по словам Плеханова, отказываясь молиться за царя, «отрицали не царизм, как учреждение, а только «неблагодетельных» царей», которые притесняли «правую веру» (Плеханов, 1925. С. 347). Такое «отрицание» исследова-

дователь, связывавший, в конечном счете, будущее страны с пролетарской революцией, естественно считал полумерой.

В чем же, по мнению Плеханова, заключалась истинная причина слабости религиозного протеста крестьянства в дореволюционной России? Марксистский, то есть, по убеждению исследователя, подлинно научный ответ на этот вопрос состоял в следующем: «Общественные условия не оставляли в Московском государстве никакого простора развитию общественного сознания» (Плеханов, 1925. С. 350). Они «заставляли оппозиционную мысль Московского государства смотреть *не вперед, а назад*»... Отнимали «у представителей оппозиции всякую возможность наметить для своей страны путь *поступательного, – а не попятного,– движения*» (Плеханов, 1925. С. 356).

В этом, на первый взгляд, справедливом марксистском заключении Плеханова, однако, не получал убедительного объяснения факт успешного экономического развития общины раскольников, отмеченный Щаповым, и подтвержденный самим Плехановым, а главное оставалось без комментариев противоречие между идеологией раскола, тянущей, по словам историка-марксиста «назад» и успешным капиталистическим движением общины раскольников «вперед»?

И.И. Костомаров: раскол как явление «новой Руси»

Плеханов не ставил задачей своего трактата рассмотреть весь спектр сочинений, представленный разными направлениями исследования раскола. Он обращался к полемике с «идеалистами» для продвижения своей концепции. С этой целью автор «монистического взгляда на историю» апеллировал к трудам историков церкви Каптерева, Смирнова, Голубинского, Н.Н. Фирсова, И.Н. Харламова, А.И. Розова, историка Щапова и др.

Последовательно решая задачи своего исследования, коснулся он и публикаций Николая Ивановича Костомарова (1817–1885). Этот историк и общественный деятель считал жизнь «народа», наряду с демократами 60-х гг. XIX в., его современниками Н.Г. Чернышевским, Н.А. Добролюбовым, А.И. Герценом, А.П. Щаповым важной составной частью исто-

рии России. Он, одновременно со Щаповым, выступал как федералист против централистского взгляда на историю России С.М. Соловьева.

Однако в литературе, общественном движении 60-х гг. XIX в. один из руководителей Кирилло-Мефодиевского братства не разделял позиции демократов, что подтверждал и самооценкой в «Автобиографии». В трудах о «народе» исследователь проявлял себя скорее как историк «повседневности», чем народофил, а в «Автобиографии» ругал «нигилизм» и «нигилистов».

В 1871 году в «Вестнике Европы» Костомаров опубликовал статью «История раскола у раскольников», в которой разобрал историческое сочинение старовера поморского согласия Павла Любопытного.

Задача, которую автор «Домашней жизни и нравов великорусского народа» ставил себе в этой работе, по его определению, заключалась в том, чтобы показать раскол как «своеобразную деятельность» русского народа «в области мысли и убеждения», раскрыть его как «явление народного умственного прогресса» (Костомаров, 1994. С. 265). Позже, в «Автобиографии» (1881) он писал о том, что хотел в исследовании «объяснить культурное значение великорусского раскола в духовной жизни русского народа» (Костомаров, 2008. С. 190).

Точку зрения историков клерикально-охранительного направления, согласно которой движение было проявлением «бессмысленной привязанности к букве», «к старине», порождением «невежества», Костомаров считал содержащей «долю правды». Однако он подчеркивал, что такой взгляд «односторонен и как все одностороннее несправедлив» (Костомаров, 1994. С. 265).

Механизм, породивший раскол, Костомаров видел в особенностях отечественной религиозности. Согласно его оценке, православие вошло в русскую жизнь не как учение, а как обычай. Со временем уклад религиозной и светской жизни, пришедший на смену язычеству, стал естественным и неизменным как восход солнца. Таким он воспринимался каждым новым поколением. Отцы и дети шли за дедами и прадедами, соблюдали и берегли обычай (Костомаров, 1994. С. 266).

Раскол, по мнению Костомарова, явился, как реакция на попытку вмиг разрушить привычный обиход религиозной и светской жизни.

Переворот совершила «новая», еще не «означенная Божьей благодатью», церковь. Она разорвала связь с прошлым, предала анафеме «старую» церковь, которая проявляла «чудеса, святость».

Раскольники отвергли «новые книги» и обряды, сохранили верность «старой» церкви, и остались при своих исконных «формах жизни духовной и общественной» (Костомаров, 1994. С. 265, 286).

Костомаров, вслед за Щаповым утверждал, что народ вынужден был составить религиозную «оппозицию» властям под воздействием не только религиозных побуждений, но и «общественных условий века». Однако, в отличие от историка-демократа, не считал раскол связующей идейной нитью всех оппозиционных движений (Костомаров, 1994. С. 290).

Выпускник Харьковского университета рассматривал тему протеста как сопутствующую, а интересовался, прежде всего, старообрядчеством как показателем «народного умственного прогресса» (Костомаров, 1994. С. 265).

Он подчеркивал, что сторонники «старой веры» оказались в положении «протестантов, защищая привычный обряд. Необходимость охраны знакомого обихода потребовала от них учебы. Историк, вслед за Щаповым, доказывал, что раскол утверждался и сохранялся путем просвещения своих адептов и, по мнению ученого, на этом пути, многого достиг.

Автор «Русской истории в жизнеописаниях её главнейших деятелей», ссылаясь на мнение оппонентов раскола – православных христиан, оставшихся в лоне официальной церкви, доказывал, что старообрядцы отличались от обычных поселян высокой нравственностью – честностью, добросердечностью, аккуратностью в делах; верностью своему слову, которое было тверже письменного договора (Костомаров, 1994. С. 291).

Потребность сохранить «дедовский обычай», подчеркивал Костомаров, «расшевелила спавший мозг русского человека», «расширила его кругозор» (Костомаров, 1994. С. 265). Он стал мыслить, обобщать, делать умозаключения. Эта умственная подго-

товка защитника «старины» сказалась на всех сферах его деятельности, в частности, отразилась в экономике. Раскольники успешно адаптировались к новым условиям, богатели (Костомаров, 1994. С. 290).

В результате сплоченности на почве религии и быта, умственного и нравственного саморазвития старообрядцы стали людьми «нового времени», в то время как носителями духа «старой Руси», ушедшей эпохи, по словам историка, остались «правовверные простолюдины», сторонники «никонианской» церкви. Раскол, заключал Костомаров, – был явлением «новым, чуждым старой Руси» (Костомаров, 1994. С. 291).

Г.В. Плеханов: раскол как явление «старой Руси»

Плеханов обратился к творчеству Костомарова в контексте развития темы и логики развенчания религиозного протеста, опираясь на марксистские теоретико-методологические постулаты и конкретно-исторические констатации, уже высказанные в своем исследовании. Продолжая собственные критические изыскания, он, вслед за опровержением построенной на вере в народ концепции Щапова, оспорил центральный тезис статьи Костомарова о расколе как феномене «новой Руси».

«Невозможно считать раскол, как это делает Костомаров, явлением, чуждым старой Руси, – подчеркнул Плеханов, – в нем лучше, выпуклее, ярче, нежели в чем-либо другом, выразила свою духовную природу именно *старая* Московская Русь» (Плеханов, 1925. С. 354).

Для доказательства этого утверждения историк-марксист повторил материалистическую оценку учения раскола. Он заметил, что, борьба «с общественным злом» предполагает уяснение его действительных источников. А «старообрядческая идеология», по его убеждению, не позволяла установить подлинные причины тяжелого положения народа (Плеханов, 1925. С. 353).

Свои заключения о концепции раскола Костомарова Плеханов строил, препарировав ее с помощью марксистской логики, опираясь на идею взаимосвязи экономики, политики и мысли. Он подчеркивал, что «общественное сознание определяется общественным бытием» (Плеханов, 1925. С. 353). Этот тезис

конкретизировался аналитиком применительно к теме исследования. По его словам, «социально-политические отношения Московского государства», московской «вотчинной монархии» ухудшали «общественные условия умственной деятельности народа», «обусловили «поразительную слабость общественного самосознания», которая проявилась в «борьбе масс за старую веру».

Поэтому раскол, резюмировал Плеханов, «являлся ... органом народного застоя, а вовсе не прогресса». Невозможно его считать, как это делает Костомаров, «явлением, чуждым старой Руси; в нем лучше, выпуклее, ярче, нежели в чем-либо другом, выразила свою духовную природу именно старая Московская Русь... ярче всего выразилась националистическая реакция против поворота к Западу» (Плеханов, 1925. С. 353, 354, 332).

Г.В. Плеханов о расколе «как протесте»

Идейно-теоретические возможности русских книжников второй половины XVII–XIX вв. в деле осмысления религиозной, политической и экономической ситуации в стране, своего положения и возможных путей его улучшения, Плеханов считал неадекватными, а концепции историков раскола, своих предшественников, не дающими научного ответа о сути протеста и его месте в истории России.

Цель его штудий носила не только научный, но и политический характер – ученого интересовали практические возможности религиозной оппозиции режиму. Влияние политических, прикладных интересов вело исследователя к сужению фронта изысканий.

Историк общественной мысли, опираясь на постулаты марксистской доктрины, пытался углубить понимание причин раскола, дать анализ этого масштабного процесса. А главную задачу исследования он видел в оценке преимущественно одной стороны явления – протестной.

Исследователь старообрядчества стремился раскрыть данный исторический феномен в контексте «прогрессивного» следования страны по пути капитализма. Как апологет новой доктрины Плеханов прогнозировал рост числа рабочих в стране и развитие социалистического движения. Воплощением

предельных демократических возможностей для него являлся революционный потенциал пролетариата. Он заключался как в характере объективных интересов трудящихся (нечего терять, кроме цепей), так и в наличие у рабочего класса «самой верной» общественной теории.

Указанный идеал выполнял в его исследовании критериальную функцию. Глядя в свете «научной» идеологии на религиозный протест крестьян второй половины XVII–XIX вв., ученый оценивал это идейное и колониационное (освоение) движение как «тупую приверженность к старому обряду и букве» (Плеханов, 1925. С. 338).

В марксистском, материалистическом анализе Плеханова заключались теоретические возможности, отсутствовавшие в доктринах его предшественников. Этот потенциал позволил историку выявить ресурсы данного религиозного движения крестьян как протеста, их предельные возможности. Полученные выводы имели и политическое значение – они склоняли ученого и политика к скептической оценке крестьянства как союзника рабочего класса.

Однако материалистическая, обличительная мерка, используемая мыслителем для исследования религиозного движения крестьян, была односторонней. Проблема движения – протеста, как тема прикладная, касалась одного аспекта явления. Протест направлялся вовне, характеризовал пограничную сторону жизни старообрядцев, его взаимодействие с «внешним миром», властью. Но такой подход к расколу не позволял видеть историку всех его граней. Критические замечания Плеханова о «качестве» религиозной оппозиции раскрывали ее внешнюю, «объективную» сторону, не касаясь внутреннего саморазвития раскольнической общины – носителя религиозных ценностей.

Действительно, раскольники не боролись, как этого требовала жизнь, с царизмом. Но верующие старообрядцы в силу своего религиозного мировоззрения не ставили и не могли ставить первоочередной задачей «протеста» улучшение «мирской» жизни, и тем более стремиться к ее революционному преобразованию, особенно путем насилия, кровопролития.

Первичными для них всегда были религиозные, обрядовые, наконец, нравственные требования, а мирские противоречия оставались вторичными, следствием нарушений нравственного закона.

Раскольники хотели жить и жили по своим религиозным и мирским понятиям. Отвергающий этот мир метод Плеханова лишал исследователя возможности понять его внутреннюю логику.

Г.В. Плеханов о расколе «как жизни» народа

Плеханов кратко затронул в исследовании и вопрос истории раскола как «жизни народа». Он коснулся эволюции крестьянского хозяйства староверов от московской «вотчинной монархии» до капитализма начала XX в. Ученый справедливо заметил, что оппозиционерам, поселившимся в «пустыне», «невозможно было довольствоваться приятным чистым воздухом и птичьим свистом, а нужно было жить». Историк констатировал вслед за Щаповым, и в его духе, что раскольники «на новых местах» образовали «большие поселки» и достигли «высокой степени благосостояния», «нажили свои, порой очень большие, капиталы» (Плеханов, 1925. С. 359, 360).

Что же, по мнению классика марксизма, помогло религиозным диссидентам добиться экономического успеха? Он считал, что их хозяйственные победы были обеспечены действием объективных факторов. «Естественные богатства «пустыни» и отсутствие государственного гнета, подчеркивал Плеханов, – помогли переселенцам достигать «на новых местах» гораздо более высокой степени благосостояния» (Плеханов, 1925. С. 359).

Но признание факта появления у раскольников «больших капиталов», в результате экономического развития страны, ставило под вопрос тезис марксиста о расколе – как «явлении старой Руси»? Очевидно, что достичь «высокой степени благосостояния», «нажить очень большие капиталы» раскольники могли только на пути «прогрессивного» (терминология Плеханова) экономического развития?

В свете сказанного закономерно возникал и вопрос о том, какую роль в экономическом успехе старообрядцев играли идеология, нравственные установки носителей старой веры?

Ученый вынес свое заключение о роли старой веры в развитии политического протеста. Он интерпретировал раскол «как «орган народного застоя», а его философию» XVII в. квалифицировал как «замороженную» в своем первоначальном виде. «Старообрядство, по его словам, – так мало подвигалось вперед, что его идеологи в течение последующих столетий продолжали держаться в сущности той же самой точки зрения, на которую они встали в XVII веке» (Плеханов, 1925. С. 345).

А каким было влияние религиозных установок на экономическое развитие старообрядческой общины? Или уклад жизни старообрядцев не сказывался на их хозяйстве, его эволюции?

Ответ очевиден. Согласно всему строю доктрины Плеханова о расколе, старая вера, религиозная установка не могли играть позитивной роли в процессе экономической трансформации старообрядческой общины, а развитие шло вопреки «отсталой» идеологии, независимо от нее?

Однако прямого вопроса о характере конкретно-исторического взаимодействия идеологии и экономики в жизни раскольнической общины Плеханов не ставил и, соответственно, не дал не него ответа.

Историк и философ, вопреки собственной теоретической установке на корреляцию, разрывал взаимосвязь двух неразрывно связанных сторон эволюции раскольнической общины – идеологической и экономической. Негативно решая вопрос о роли религиозной позиции старообрядцев в экономической эволюции религиозной общины, исследователь фактически снимал его с научной повестки.

Заключение

Плеханов, опираясь на марксистские теоретико-методологические постулаты, подверг критике всю предшествующую «идеалистическую» литературу по расколу. Его теоретическая установка предопределила ракурс исследования. Он оставил за пределами историографического сочинения внутреннюю историю раскольнической общины, эволюцию ее идеологии, экономики, «повседневной» жизни.

Материализм пропагандиста марксизма, его атеизм, представления о «законах истории», имевшие сильные стороны при анализе экономики, клас-

совой структуры общества, в исследовании религиозной составляющей жизни социума, старообрядчества обращались критикой, отрицанием.

Они снижали возможность «объективно» исследовать «внутреннюю религиозную жизнь народа» – раскольников, не давали шанса даже предположить в ней наличие «здорового смысла», вели к последовательному обличению старообрядчества, что не способствовало раскрытию его сущности, было

Библиографический список

Апанасенок А.В. Религиозные диссиденты в российской провинции: очерки истории духовных движений Курской губернии в конце XVIII – начале XX века. Курск: КГТУ, 2010. 200 с.

Апанасенок А.В. «Старая вера» в Центральном Черноземье: XVII – начало XX века. Курск: КГТУ, 2008. 303 с.

Бородкин А.В. Общины старообрядцев-капитонов центральной России в 50–60-е гг. XVII в. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2009. № 9. С. 103–108.

Быковская Г.А., Черных В.Д., Злобин А.Н. Проблемы взаимоотношений государства и церкви: историография церковного раскола XVII в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 3. С. 198–202.

Зеньковский В.В. История русской философии. Ленинград: Эго, 1991. 221 с.

Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России. М.: Наука, 1978. 343 с.

Костомаров Н.И. Автобиография // Домашняя жизнь русского народа. М.: Эксмо, 2008. С. 5–221.

Костомаров Н.И. Раскол. Исторические монографии и исследования. М.: Чарли, 1994. 608 с.

Куприянова И.В. Старообрядцы Алтая в первой трети XX века / И.В. Куприянова. Барнаул: Изд-во АлтГАКИ, 2010. 247 с.

Кущенко С.В. Из истории раннего старообрядчества // Карельский научный журнал. 2016. Т. 5. № 2 (15). С. 74–76.

Маджаров А.С. Афанасий Прокопьевич Щапов: история жизни (1831–1876) и жизнь «Истории». Иркутск: Иркут. обл. тип. № 1 им. В.М. Посохина, 2005. 528 с.

Маджаров А.С. История России в теории цивилизаций: монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 211 с.

Маджаров А.С. Развитие концепции религиозного

отступлением от лучших демократических традиций историографии раскола XIX в. В бескомпромиссной критике старой веры неожиданно сблизилась два фланга исследования, находившиеся на противоположных полюсах – клерикально-охранительный и марксистский, представленный концепцией Плеханова. Доктрина Плеханова легла в основание одного из направлений советской школы религиозного раскола.

References

Apanasenok A.V. (2010) Religious dissidents in the Russian province: essays on the history of the spiritual movements of the Kursk province in the late 18th – early 20th century. Kursk: KGTU. 200 p. (In Russ.)

Apanasenok A.V. (2008) “Old Faith” in the Central Black Earth Region: XVII – early XX century. Kursk: KGTU. 303 p. (In Russ.)

Borodkin A.V. (2009) Communities of Old Believers-Capitons of Central Russia in the 50–60s of XVII century. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific Bulletin of Belgorod State University*. No. 9. P. 103–108. (In Russ.)

Bykovskaya G.A., Chernykh V.D., Zlobin A.N. (2011) Problems of the relationship between the state and the church: historiography of the church schism of the 17th century. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk = Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 13. No. 3. P. 198–202. (In Russ.)

Zen'kovskii V.V. (1991) History of Russian philosophy. Leningrad: Ego. 221 p. (In Russ.)

Klibanov A.I. (1978) Popular social utopia in Russia. Moscow: Nauka. 343 p. (In Russ.)

Kostomarov N.I. (2008) Autobiography. *Domashnyaya zhizn' russkogo naroda = Home life of the Russian people*. Moscow: Eksmo. P. 5–221. (In Russ.)

Kostomarov N.I. (1994) Split. Historical monographs and research. Moscow: Charli. 608 p. (In Russ.)

Kupriyanova I.V. (2010) Old Believers of Altai in the first third of the XX century. Barnaul: AltGAKI. 247 p. (In Russ.)

Kushchenko S.V. (2016) From the history of the early Old Believers. *Karel'skii nauchnyi zhurnal = Karelian Scientific Journal*. Vol. 5. No. 2 (15). P. 74–76. (In Russ.)

Madzharov A.S. (2005) Afanasy Prokopyevich Shchapov: the history of life (1831–1876) and the life of “History”. Irkutsk: Irkut. obl. tip. No. 1. im. V.M. Posokhina. 528 p. (In Russ.)

Madzharov A.S. (2014) History of Russia in the theory of civilizations: monograph. Irkutsk: Irkutsk State University. 211 p. (In Russ.)

Madzharov A.S. (2017) Development of the concept

раскола Русской православной церкви и земства во второй половине XIX в. (С.М. Соловьев, А.П. Щапов) // Известия Иркутского государственного университета, 2017. Т. 19. Сер. Политология. Религиоведение. С. 40–50.

Маджаров А.С. Становление официальной доктрины религиозного раскола Русской православной церкви в трудах В.Н. Татищев // Известия Иркутского государственного университета, 2019. Т. 27. Сер. Политология. Религиоведение. С. 67–77.

Плеханов Г.В. Афанасий Прокопьевич Щапов. Сочинение Н.Я. Аристовой (Посмертное издание) С. Петербург. 1883. / Плеханов Г.В. Сочинения. М.: Государственное издательство. 1922. Т. II. С. 10–22.

Плеханов Г.В. История русской общественной мысли // Сочинения. М.-Л.: Государственное издательство, 1925. Т. XX. 363 с.

Плеханов Г.В. О религии и церкви. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. 607 с.

Покидченко М.Г. Плеханов как историк общественно-экономической мысли // Историко-экономические исследования, 2017. Т. 18. № 4. С. 599–612.

Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. В 7 т. М.: Акад. проект, 2016. Т. 1. 676 с.

Татищев В.Н. Разговор дву(х) приятелей о пользе науки и училищах. Избр. произведения. Л.: Наука, 1979. С. 51–133.

Щапов А.П. Земство и раскол I. Избранное / Сост. А.С. Маджаров. Иркутск: Оттиск. 2001. С. 245–326.

Критерии авторства

А.С. Маджаров выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторе

Маджаров Александр Станиславович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России исторического факультета, Иркутский государственный университет, 664003, Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, Россия, ✉ e-mail: massa49@yandex.ru

of religious schism in the Russian Orthodox Church and the zemstvo in the second half of the 19th century. (S.M.Soloviev, A.P. Shchapov). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Politologiya. Religiovedenie = Bulletin of Irkutsk State University. Series Political science. Religious Studies*. Vol. 19. P. 40–50. (In Russ.)

Madzharov A.S. (2019) Formation of the official doctrine of the religious schism of the Russian Orthodox Church in the works of V.N. Tatishchev. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Politologiya. Religiovedenie = Bulletin of Irkutsk State University. Series Political science. Religious Studies*. Vol. 27. P. 67–77. (In Russ.)

Plekhanov G.V. (1922) Afanasy Prokopyevich Shchapov. Composition by N.Ya. Aristova (Posthumous edition). S. Peterburg. 1883. Essays. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. Vol. II. P. 10–22. (In Russ.)

Plekhanov G.V. (1925) History of Russian social thought. Essays. Moscow – Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. Vol. XX. 363 p. (In Russ.)

Plekhanov G.V. (1957) About religion and church. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR. 607 p. (In Russ.)

Pokidchenko M.G. (2017) Plekhanov as a historian of social and economic thought. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Historical and economic studies*. Vol. 18. No. 4. P. 599–612. (In Russ.)

Tatishchev V.N. (2016) Russian history from the earliest times. In 7 vol. Moscow: Akad. proekt. Vol. 1. 676 p. (In Russ.)

Tatishchev V.N. (1979) Conversation of two friends about the benefits of science and schools. Fav. works. Leningrad: Nauka. P. 51–133. (In Russ.)

Shchapov A.P. (2001) Zemstvo and schism I. Favorites. Irkutsk: Ottisk. P. 245–326. (In Russ.)

Attribution criteria

A.S. Madzharov completed research work, based on the results obtained, made a generalization, prepared the manuscript for publication, has copyrights to the article and is fully responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Information about the author

Alexander S. Madzharov, Dr. Sci. (History), Professor of the Department of Russian History, Faculty of History, Irkutsk State University, 1, Karl Marx street, Irkutsk 664003, Russia, ✉ e-mail: massa49@yandex.ru